

«...ВЫНЕС И ЭТУ ДОРОГУ»

Мой отец, Иван Терентьевич Мурыгин (1902 - 1940), после смерти своего родителя восьмилетним мальчиком с матерью и братьями проехал по железной дороге из Ростова-на-Дону до Новониколаевска. Это путешествие оставило неизгладимое впечатление. Став взрослым, отец начал собирать открытки с видами мест, мимо которых проезжал в 1910 году. Увлечение отца перешло ко мне.

Сейчас я уже владелец нескольких старинных альбомов с открытками по теме "Магистраль Сибири". Рассматривая их, благоговеею перед подвигом строителей Сибирской железной дороги. За одиннадцать лет (с 1891 года) они проложили сквозь тайгу и степи, болота и горы 7717 километров пути, соединив центр державы с Тихоокеанским побережьем. А ведь в то время не было у них ни экскаваторов и самосвалов, ни кранов и путеукладчиков.

Как-то я показал свою коллекцию старейшему учителю и краеведу Новосибирска Николаю Никифоровичу Лазареву. В свое время он общался с самим издателем местных открыток Н.П. Литвиновым и с фотографами, с негативов которых печатались эти открытки. Немало интересного довелось мне тогда услышать.

Вот, например, открытка "Шалаш чернорабочего". По ее поводу, заглянув в записную книжку, Лазарев сказал:

- Съемка сделана в районе современной станции Тайга. Очевидно, рабочий взял подряд на расчистку просеки в лесу. Из

спиленных деревьев он с сыном готовил шпалы. Видите, двуручная пила приставлена к сосне, а

сам он с топором в руках горло позирует фотографу. В шалаше определенно скрывается жена ле-

Великий Сибириец ищет путь. — Grand Chemin de la Sibirie. № 18
Экз. Мурыгин Терентьевич

В. ИВАНИЯ

НАУКА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Венедикт Андреевич Хахлов был моим самым любимым учителем. (Он родился в г. Зайсана в 1894 году 11 марта, умер в Томске 18 июня 1972 г.)

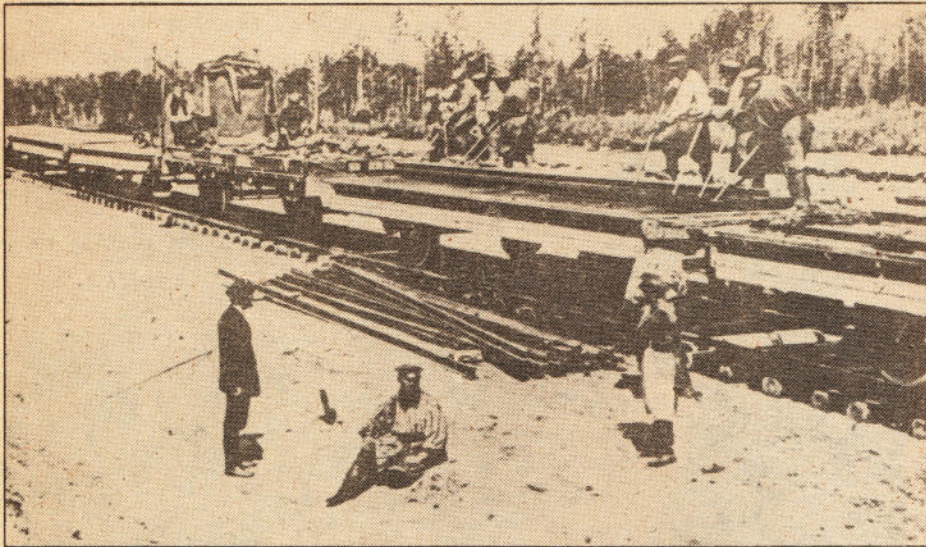
В 1937 году, когда я окончила университет, он пригласил меня работать ассистентом на его кафедре палеонтологии и исторической геологии. Своим бескорыстным служением науке и увлеченностью ею он привил мне

любовь к своей науке палеонтологии - науке об органическом мире прошлых геологических эпох. Я стала настоящим палеонтологом-палеозоологом. Я изучаю ископаемые кораллы, середины палеозойской эры в истории Земли.

Вся жизнь Венедикта Андреевича прошла в Томске. В 1912 году он окончил Губернскую мужскую гимназию и поступил учиться на горный факультет Технологического института. Он окончил его в 1920 году, став геологом. Венедикт Андреевич работал в Технологическом институте до 1923 года. Все

последующие годы его жизни с 1923-го по 1972-й связаны с университетом. Здесь он работал ассистентом, затем - доцентом и с 1929 года - профессором и заведующим кафедрой палеонтологии и геологии. Его знают в нашей стране и за рубежом как геолога и палеонтолога, автора 150 научных работ. Венедикт Андреевич известен как крупный палеоботаник, изучивший и описавший ископаемые растения Сибири от времени их появления на Земле 300 млн. лет тому назад до современных. Он известен как ученый, создавший палеоботани-

ЖЕЛЕЗНУЮ»

Тайга - Тайга. № 7.
Общий вид поселка и станции.

соруба: в то время женщины были очень скромны и не показывались постороннему человеку. Муж и

сын выполняли свою тяжелую работу, а она готовила им пищу, обстирывала их.

Помню, мы тогда с сочувствием поговорили об условиях, в которых трудились и жили строители магистрали. Летом страдали от жары и гнуса, зимой - от буранов и морозов. В удаленных от поселений местах, зачастую без хорошей питьевой воды...

До сих пор поражаюсь тем подробностям, которые он мог сообщить по поводу почти каждой открытки. Приведу еще несколько репродукций. На одной - рабочие на железнодорожной насыпи готовят к укладке рельсы. На другой - "сброс рельс с платформы".

- "Подготовка шпал" сфотографирована в семи верстах от левого берега Оби. - сказал Николай Никифорович. - Сейчас это уже в черте Новосибирска. А "сброс рельс" - это в районе современного металлургического завода имени Кузьмина. Сейчас на месте этих деревьев - здание заводоуправления.

На последней фотографии - станция Тайга. Трудом строителей магистрали расчищена площадка, проложен железнодорожный путь, построена станция, водонапорные башни, другие сооружения и жилые дома. Только край бора напоминает о том, что совсем недавно тут был непроходимый лес. Да еще само название станции говорит об этом.

Невольно приходят на память хрестоматийные некрасовские строки: "...Вынес достаточно русский народ, вынес и эту дорогу железную - вынесет все, что господь ни пошлет!" Очень точные слова. И, между прочим, не только и не столько о железной дороге...

Геннадий МУРЫГИН.

г. Новосибирск.

(о судьбе профессора В. А. Хахлова)

ческую школу в Томском университете.

Геологи Сибири особенно уважают и ценят профессора Хахлова как автора стратиграфических схем (схем расчленения) всех каменноугольных бассейнов Сибири. Стратиграфию одного из них - Норильского - он разработал в период с 1949-го по 1954 год, когда был заключенным Норильского лагеря Гулаг НКВД.

Обладея высокой эрудицией, он щедро делился своими знаниями в области палеонтологии и региональной геологии со своими учениками. Венедикт Андреевич

подготовил несколько десятков кандидатов наук. Часть из них позже стали докторами наук и профессорами. Это Л.А. Рагозин (Москва), А.Н. Ходалевиц (Свердловск), А.А. Ларищев, А.Г. Сивов, В.А. Иваняна, А.Р. Ананьев, И.А. Вылцан, А.И.Родыгин, В.П. Парначев (Томск), С.В. Сухов (Новосибирск).

Венедикт Андреевич был прекрасным геологом-съемщиком.

В суровые годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. он вместе со своим учеником Рагозиным Леонидом Алексеевичем провел первую государствен-

ную геологическую съемку северной половины нашей области. Они составили и опубликовали первую геологическую карту этой огромной территории в масштабе 1:1000.000 (лист 0-45) с объяснительной запиской к ней.

Работы Венедикта Андреевича в южной половине Кузбасса привели к открытию нового Томь-Усинского района коксующихся углей.

[Окончание на стр. 43].

(о судьбе профессора В. А. Хахлова)

[Окончание.

Начало на стр. 16]

Венедикт Андреевич был прекрасным лектором. Мы, студенты, любили его за простоту изложения самых сложных курсов, любили его и как доброго, отзывчивого декана, занимающего этот пост более десяти лет.

Венедикт Андреевич был человеком большой культуры, богато и разнообразно одаренным. Он был хорошим художником, кисти которого принадлежало несколько десятков картин чарующей сибирской природы и натюрмортов.

Венедикт Андреевич не только любил музыку и пение, но и сам, обладая небольшим приятным лирическим тенором, любил петь старинные романсы в кругу своих друзей.

Он очень любил цветы и особенно розу - царицу цветов. Венедикт Андреевич первым в Томске стал выращивать розу в открытом грунте, в условиях суровой сибирской природы. Он вырастил в своем саду 300 сортов роз, написал и опубликовал монографию "Розы в Сибири". В тяжелые годы Великой Отечественной Войны 1941-45 гг. он занимался селекцией томатов, написав об этом научную статью.

Венедикт Андреевич был большим патриотом Родины. В суровые годы войны он помогал фронту своей самоотверженной работой в геологии и подготовкой кадров высшей квалификации.

Вместе со своей женой, Тамарой Алексеевной, урожденной Маниковой, они вырастили двух прекрасных сыновей. Оба они с оружием в руках защищали свою Родину на фронтах Великой Отечественной Войны в 1941-45 гг. Старший сын Борис погиб в боях с фашистами. Младший сын Вадим после ранения вернулся домой в Томск. Он окончил Томский государственный университет. Как и отец, он стал геологом, но не палеонтологом, а петрографом, доцентом кафедры петрографии. Вадим Венедиктович изучал самые молодые, так называемые осадочные горные породы Томской области и связанные с ними полезные ископаемые (он трагически погиб

в 1991 году).

20 апреля 1949 года Венедикта Андреевича неожиданно арестовали органы НКВД как "врага народа", "вредителя", "изменника Родины" и "шпиона" в пользу фашистской Германии и Японии. Последнее обвинение было предъявлено профессору Хахлову за его

обмен научной информацией с учеными других стран, за обмен с ними оттисками своих научных статей.

Несколько раньше, 31 марта, арестовали профессора Баженова И.К. и ассистента Мартынова Н.Е. А 20 апреля вместе с Венедиктом Андреевичем арестовали профессоров-геологов А.Я. Булыникова и М.И. Кучина.

Венедикта Андреевича, как "врага народа", "вредителя" и "шпиона" приговорили к 20 годам заключения.

По приказу Томского НКВД после ареста четырех профессоров-геологов университета и профессора Ф.Н. Шахова из политехнического института, были уничтожены все их научные труды, как труды "врагов народа" и "вредителей". Уничтожили прекрасную книгу "II том трудов научной конференции", посвященную изучению и развитию производительных сил Сибири, так как в нем были опубликованы доклады этих ученых - "врагов народа".

В Норильском лагере ГУЛАГ НКВД среди заключенных он увидел своего знакомого, профессора Бориса Константиновича Лихарева из Ленинграда. Здесь Венедикт Андреевич познакомился с сыном Анны Ахматовой Львом Николаевичем Гумилевым, крупным ученым историком и этнографом. В лагере Венедикт Андреевич познакомился и сдружился с известным сухумским художником Орелкиным.

В то время в угленосном бассейне, на территории которого располагался Норильский лагерь, проводилась разведка каменноугольного месторождения. Для этого нужны были хорошие геологи. Поэтому управление Норильских лагерей ГУЛАГ НКВД предложило заключенным профессорам-геологам Б.К. Лихареву и В.А. Хахлову работать на разведке геологами. Б.К. Лихарев отказался, а Венедикт Андреевич, увлеченный своей наукой - палеоботаникой, ожидая здесь встретить много новых каменноугольных растений и изучить их, согласился. Так он стал норильским геологом, хотя и заключенным. Желание познать новое в любимой науке победило обиду за несправедливый арест и заключение в лагерь. Наука оказалась превыше всего.

Заключенный В.А. Хахлов во время своей работы в Норильском каменноугольном бассейне собрал богатую коллекцию новых ископаемых растений, еще не известных науке. Он изучил ее в Томске после освобождения.

Профессор В.А. Хахлов работал увлеченно. Он разработал новый метод синонимии пластов каменного угля, вскрываемых буровыми скважинами. Критерием для их сопоставления служили ископаемые растения. Этот метод позже, уже после освобождения Венедикта Андреевича из заключения, был успешно применен при разведочных работах на каменный уголь в Кузбассе.

В свободное от работы время Венедикт Андреевич по памяти

писал красивые пейзажи любимой сибирской природы и натюрморты. Он дарил их местным жителям. А они, в знак благодарности и сочувствия к его тяжелой судьбе, дарили ему что-нибудь из продуктов. Некоторые из них засовывали в карман его телогрейки "десятки" или "тридцатки". Он не обижался, зная, что это не подаяние, а знак сочувствия к его тяжелой судьбе, и принимал их.

Так прошли долгие пять лет.

И вот через год после смерти Сталина, в 1954 году, его освободили.

Привожу копию справки, выданной начальником Норильского лагеря при освобождении.

Справка (Копия)

Выдана настоящая справка заключенному Норильского лагеря ГУЛАГ НКВД ХАХЛОВУ Венедикту Андреевичу в том, что с 20 апреля 1949 года по 29 апреля 1954 года он отбывал срок заключения в Норильском лагере ГУЛАГ НКВД.

Освобожден решением Военной коллегии Верховного Суда СССР в связи с прекращением дела за недоказанностью состава преступления.

Начальник Норильского лагеря (подпись неразборчива).

После своего освобождения он вернулся к любимой работе ученого-исследователя и преподавателя - профессора и заведующего своей кафедрой палеонтологии.

За большие заслуги в науке в 1960 году Венедикту Андреевичу было присвоено высшее и почетное звание "Заслуженного деятеля науки РСФСР".

В 1966 году за первый том монографии "Верхнепалеозойские растения севера Сибири" профессору Хахлову В.А. была присуждена первая университетская премия за лучшую работу года. Эта монография была написана Венедиктом Андреевичем по материалам, собранным им за годы заключения в Норильском лагере.

Но эти тяжелые года не прошли бесследно для Венедикта Андреевича. У него стала болеть правая нога, простуженная в Бутырской следственной тюрьме. Там его заставляли стоять целыми

сутками голыми ногами на холодном цементном полу одиночной камеры заключения. Так добывались признания в несовершенных преступлениях. Как оказалось, у него произошло сужение кровеносных сосудов. Нога начала неметь, а потом и чернеть. Когда чернота пошла вверх, Венедикт

В. А. Хахлов, 1914 г.

Т. А. Маноклова,
невеста В. А. Хахлова.
1916 г.

Андреевич обратился к известному профессору-хирургу Борису Александровичу Альбицкому. Венедикта Андреевича положили в его клинику, ногу пытались лечить. Однако ничего не помогало, ногу пришлось отнять выше колена.

Но и после этого мужественный Венедикт Андреевич не сдался. Он продолжал работу над своей новой монографией о камен-

ноугольных растениях севера Сибири. Когда ему сделали протез, он даже начал читать курс лекций по палеонтологии Сибири для студентов-геологов V курса.

После возвращения учителя из лагеря я часто его навещала, и особенно после болезни, стала его постоянным заместителем как заведующего кафедрой, ходила на разные деловые совещания, отвечала на присланные бумаги, писала отчеты о работе кафедры, иногда читала за него лекции. С этого времени я особенно часто навещала своего учителя, информируя его о важнейших событиях на факультете и в университете. Мы обсуждали с ним кафедральные дела и научные проблемы. Дома он работал над своей новой монографией, отдыхая, писал новые картины. При встречах он почти всегда вспоминал тяжелые годы своего заключения, рассказывал о запомнившихся ему событиях тех дней в Норильском лагере. О некоторых из его воспоминаний я расскажу ниже.

Однажды я пришла к своему учителю навестить его и обсудить некоторые вопросы из жизни кафедры.

Его жена Тамара Алексеевна, очаровательная статная женщина и гостеприимная хозяйка, угостила меня чаем со смородиновым вареньем. Мы с Венедиктом Андреевичем полюбовались на его новый натюрморт (букет роз). Затем он обратил мое внимание на другой натюрморт в черной раме. На нем была изображена только одна роза, пригнувшаяся к земле. На нее налетел черный ураган, пытающийся сломить и погубить этот нежный, прекрасный и беззащитный цветок. А он изо всех сил сопротивляется, чтобы устоять, не погибнуть и выжить. Венедикт Андреевич сказал мне, что этот натюрморт символичен. Его написал и подарил ему заключенный Норильского лагеря художник Орелкин их Сухуми. Этот натюрморт, сказал профессор, символизирует жизнь политического заключенного, которую стремятся сломить, погубить суровым лагерным режимом. А человек - слабый и беззащитный заключенный - сопротивляется изо всех сил, чтобы не сломиться, не погибнуть, а выстоять и выжить в этой тяжелой и неравной борьбе.

Мы помолчали и перешли в уютный кабинет профессора. Там он достал из ящика письменного стола фотографию картины этого замечательного художника под на-

званием "Затмение Солнца". На ней была изображена длинная, грязная дорога, ведущая к воротам лагеря. По дороге движется длинная, как лента, толпа усталых заключенных, идущих в лагерь с работы. Среди них можно узнать людей разных профессий - крестьян, рабочих, интеллигентов. Вот старается идти прямо старый профессор с бородой и в очках. А рядом идет еще не потерявший выправки военный. Далее идет художник с длинными волосами, усталый и худой. Еле передвигая ноги, тащится худой, с изможденным лицом, священник в черной потрепанной рясе. На обочине дороги, справа от нее, на пригорке стоит высокий статный офицер НКВД с лицом кавказского типа. Он в темно-синих широких брюках-галифе. В своей поднятой вверх правой руке он держит пистолет с дулом, поднятым вверх и в направлении ворот лагеря. А над дорогой с толпой заключенных и над лагерем на небе исчезло Солнце. Его затмила огромная черная туча с профилем Сталина.

Эту картину художник написал уже дома, в Сухуми, куда он вернулся после освобождения из заключения в Норильском лагере. Художник хотел повезти свою картину на выставку в Москву, но его жена и дети не разрешили ему сделать этого. Дети сказали ему: "Папа! Мы не можем позволить тебе riskовать своею жизнью еще раз. Ведь ты уже немалод и твой новый арест, который может снова произойти позже, тебя погубит. А мы хотим, чтобы ты еще много лет жил с нами и творил". Художник согласился и не отправил своей картины на выставку в Москву.

Рассказав об этом, Венедикт Андреевич надолго замолчал, вспоминая. А я задумалась о тяжелой судьбе своего учителя и художника Орелкина, восхищаясь их мужеством.

При следующей встрече Венедикт Андреевич спросил: "Хотите, Валентина Антоновна, узнать о таинственном узнике нашего лагеря?"

Я ответила: "Конечно! Расскажите".

Вот что он рассказал:

"В нашем лагере был таинственный заключенный. Он не имел ни имени, ни фамилии, а только порядковый номер заключенного лагеря. Никто не знал, откуда он, за что осужден. Он работал у нас в лагере банщиком. Как-то раз, когда я мылся последним, я решил

попытаться заговорить с ним. Мне он симпатизировал и поэтому доверился.

Он рассказал мне следующее:

"Я работал шофером на личной машине Серго Орджоникидзе. Когда он погиб, меня арестовали и, чтобы я не выдал тайны его смерти, приговорили к смертной казни. Но потом, видимо, пожалев мою молодость, заменили казнь двадцатью пятью годами заключения. Мне сказали, что если я кому-нибудь скажу хоть слово о себе и своем аресте, меня сразу же расстреляют. Вот почему я молчу, так как хочу жить..."

Я, потрясенная этим рассказом, ушла.

Профессор В. А. Халлов,
1964г.

При следующей нашей встрече мой учитель вспоминал о том, как тяжело было жить рядом, бок-о-бок с заключенными-головными преступниками.

"Хотя они меня и не обижали, но наблюдать жуткие сцены из их жизни и слушать постоянно площадную брань, не смея вмешаться или одернуть их, было очень тяжело." После этих слов профессор рассказал о двух случаях из жизни заключенных-уголовников.

Вот что он рассказал:

"Однажды вечером на соседних нарах шла азартная игра в карты. Главным игроком был главварь заключенных-уголовников. Он был отличным игроком, и ему почти всегда везло. В тот памятный вечер с ним играл уже немалодой заключенный.

Он все время проигрывал. Когда он проиграл все свои деньги и отдал свой пиджак, главварь

сказал ему: "Хватит! Иди." Но неудачливый игрок попросил сыграть в последний раз, под зарплату, которую должны выдать завтра. Главварь согласился и снова выиграл.

После этого он стал продолжать игру с другими заключенными. Случилось так, что на следующий день кассир не приехал в лагерь и зарплату заключенным не выдавали.

Вечером этого дня снова идет азартная игра в карты. Снова выигрывает главварь заключенных, так называемый "батька". И тут к нему подбегает заключенный, вчерашний неудачник и должник. Главварь его спрашивает: "Ну что? Принес проигранные деньги?"

"Нет", - отвечает бедолага и объясняет, почему.

Тогда главварь берет веревку и говорит своим подчиненным "Возьмите. Убрать его!" И послушные заключенные тут же, при нас всех, набросили петлю на шею неудачливого игрока, их товарища, и на глазах у всех нас повесили его. После этого они бросили его труп в проходе между нарами и продолжали играть в карты".

Последний рассказ Венедикта Андреевича о ярко запомнившемся ему эпизоде из лагерной жизни.

Вот он:

"Это было в начале марта месяца 1953 года. Однажды, возвращаясь с работы в лагерь (тогда мне иногда разрешали ходить без стражи), слышу из лагеря сильный шум и крики. Подхожу ближе и слышу, как уголовники громко кричат: "Ура! Ура-а! Еська сдох! Еська сдох! Ура-а! Будет большая амнистия, и нас освободят! Ура-а!"

Вхожу в лагерь, а там политические заключенные говорят радостным голосом: "Умер Сталин!", "Вы понимаете? Умер Сталин!" "Может быть, после его смерти и нас освободят?.."

Но прошло больше года в ожидании этого счастья. Нас освободили в 1954 году."

Этим рассказом закончил свои воспоминания о пяти годах заключения в Норильском лагере мой учитель - профессор Венедикт Андреевич Халлов.